

- 6) нормативный комплекс МПП делится на правовые институты;
7) МПП имеет несколько кодифицированных актов.

¹ См. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для юридических вузов и факультетов/Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Зубкова. — М., 1997. — С. 543.

² См. Мелентьев М.П. Новый этап в развитии российского пенитенциарного законодательства//Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными/Под общ. ред. П.Г. Мищенко. — М., 1997. — С. 9.

³ См. Уголовно-исполнительное право. Учебник/Под ред. проф. И.В. Шмарова. — М., 1996. — С. 417.

⁴ Там же. — С. 403—404.

⁵ См. Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. — М., 1983. — С. 118—144.

⁶ См. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для юридических вузов и факультетов. — С. 557.

⁷ Мелентьев М.П. Указ. соч. — С. 10—11.

⁸ Подробнее см. Международная тюремная реформа: как заставить стандарты работать//Проект руководства для пенитенциарных работников по соблюдению международных тюремных правил. — Гаага, 1994.

⁹ Современные российские учебники по уголовно-исполнительному праву содержат специальные разделы, посвященные МПП. См., например, Уголовно-исполнительное право. Учебник. — С. 403—417 (глава XXVII “Международные акты об обращении с осужденными”).

¹⁰ Дамрош Л. Включение норм международного права во внутреннее законодательство//Американский журнал международного права. — 1990. — № 2. — С. 14.

г. Рязань

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 года.

КОНФЛИКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫЕ — ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНАЯ (конфликты на постсоветском пространстве. Общие черты, специфика, перспективы)

В.Ф. Прякин*

Проблематика “горячих точек” на постсоветском пространстве привлекает все большее внимание международного сообщества. В огне братоубийственных столкновений уже погибли де-

*Кандидат исторических наук, старший советник Постоянного представительства России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

сятки тысяч людей. Миллионы потеряли свой кров и вынуждены разделить горькую судьбу беженцев. Некогда экзотические и мало кому известные географические названия бывших советских автономных республик и областей не сходят с повесток дня работы важнейших международных форумов, находятся в центре внимания ООН, ее специализированных учреждений, ОБСЕ.

Благодаря этим усилиям удалось добиться прекращения активной фазы конфликтов в Грузии, Нагорном Карабахе, Приднестровье и Таджикистане. Прекращены крупномасштабные военные действия, установлены линии разграничения противостоящих сил, в некоторых случаях введены миротворческие контингенты (как правило, из российских военнослужащих), ведутся переговоры об окончательном политическом урегулировании.

Вместе с тем какого-либо заметного прогресса на этих переговорах пока не наблюдается. Более того, спустя десять лет после вспышки в Нагорном Карабахе, по истечении более шести лет начала боев в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и в Таджикистане состояние переговоров между сторонами в этих конфликтах по-прежнему, за некоторыми отпадными исключениями, характеризуется беспросветным тупиком.

Положение начинает напоминать картину кипрского или североирландского кризисов, в которых присутствуют многие элементы постсоветских конфликтов и которые также, несмотря на предпринимаемые усилия и подчас эффективные решения частных вопросов, отнюдь не близки к генеральному соглашению. Это сравнение не внушает каких-либо оптимистических ожиданий на будущее.

* * *

Прежде всего обескураживает неэффективность использования традиционных политических и военных средств в подходе к урегулированию.

Как правило, перекраивание государственных границ после больших политических потрясений не занимало так много времени и не было связано с такими жертвами, как в период “полураспада” бывшего Советского Союза.

Возьмем, к примеру, Нагорный Карабах. “После безумных зверств и сплошного обнищания население как бы удержало у себя в памяти горький вкус стыда. Круговая порука забвения — никто ни о чем не напоминает, на прошлом поставлена точка, и молчаливый упор в работе, страстная тяга к восстановлению. Тюрки и армяне, поставленные во главе маленького правительства, мудро держат курс на это забвение и в результате — стихийный подъем хозяйства, можно сказать, пустыми руками, потому что бюджет этой замечательной

страны — один из самых трагических в Союзе по своей ущемленности... Маленькая страна похожа на птицу, сидящую, подняв крылья: она еще сидит, но уже перед полетом”¹. Так писала Мариэтта Шагинян об этом крае спустя шесть лет после страшной резни 1920 года, когда “через Карабах прошли огонь и железо”².

Увы, на сегодняшний день, спустя более десяти лет после начала событий в Степанакерте, “круговой поруки забвения” в Карабахе, как, впрочем, и в других местах локальных конфликтов, как не было, так и нет.

Прекращение существования единой центральной власти на постсоветском пространстве открыло дорогу хаотическому действию центробежных сил, разгулу эгоистических интересов отдельных националистических и клановых политических образований, а также отдельных лиц, внезапно выдвинувшихся на авансцену публичной политики.

Попытки вооруженным путем раздавить эти образования и создать одним махом на территории бывших советских республик унитарные государства закончились весьма плачевно. Но не принесли результатов и честолюбивые устремления лидеров самопровозглашенных образований (Приднестровской Молдавской Республики, Арцаха, Абхазии, Южной Осетии). Ни одно из них не получило признания международного сообщества в качестве независимого суверенного государства.

Образовавшийся “вакуум силы” оказалось невозможно заполнить методами традиционной политики. Новые государства, вполне жизнеспособные в качестве союзных советских республик, не в состоянии обеспечить стабильность на своей территории и целостность национальной территории.

Россия, переживающая трудности переходного периода, также неспособна оказать им необходимое содействие в становлении национальных государств. США и страны Европейского Союза в лучшем случае готовы пойти на осуществление программ экономической помощи и технического содействия, но никак не на ввод миротворческих военных контингентов, достаточных для “наведения порядка на постсоветском пространстве” при должном гарантировании общих гражданских свобод и прав национальных меньшинств.

В отсутствие реальных возможностей для фактического урегулирования дипломатические переговоры, как правило, сводятся к тщетным призывам к конфликтующим сторонам осознать свою политическую ответственность и предпринять все от них зависящее для незамедлительного решения разделяющих их проблем в рамках единых государств.

Неспособность международного сообщества к практическим действиям по урегулированию локальных конфликтов нередко при-

крывается попытками обвинить Россию в их инициировании и побудить Москву чуть ли не к военным действиям с целью восстановления территориальной целостности бывших советских республик, а ныне новых независимых государств.

Насколько правомерны эти риторические эскапады? Действительно, Россия ли виновата в возникновении очагов конфликтов в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии? Да, конечно, немало можно отнести в генезисе этих “болячек” на счет сталинской национальной политики. Карта Советского Союза преднамеренно была скроена таким образом, что достаточно было неосторожного прикосновения к ней в районе, например, Карабаха — и вся система “сдержек и противовесов” в масштабах всего великого государства от Клайпеды до Курган-Тюбе потеряла устойчивость и в конечном счете рухнула.

Но нужно признать и то, что политика эта не была, как сейчас кое-кто не прочь представить, лишь проявлением “имперских амбиций великорусских шовинистов”. Эта политика сплошь и рядом строилась за счет усиленной эксплуатации собственно россиян при ущемлении их национальных интересов, в том числе и в таких вопросах, как границы союзных республик, перераспределение совокупного общественного продукта, приоритетные направления инвестиций и пр. Немаловажное воздействие на эту политику оказал, видимо, и тот факт, что ее формирование осуществлялось с идеологических позиций некоего абстрактного интернационализма, который скорее был сродни своеобразному “пролетарскому космополитизму”. Этот крен был зафиксирован в форме теоретического обобщения о “долге” российской метрополии по отношению к своим бывшим “колониальным окраинам”. И хотя в теории об этом говорилось не так много, на практике концепция “погашения долга” работала достаточно эффективно.

В определенной степени она продолжает работать и сейчас, так как экономика многих стран СНГ до сих пор зависит от неэквивалентного обмена с российскими предприятиями, который, тем не менее, продолжается. Выход этих предприятий на свободный рынок сразу же обнажил действительное товарное существо этого обмена, сделал должниками российских естественных монополий немало партнеров на постсоветском пространстве. Так, как сообщил премьер-министр Молдавии Ион Чубак на пресс-конференции 16 февраля 1998 г., задолженность Молдавии за полученный в 1997 году газ от РАО “Газпром” составила 91 млн. долл. США. По официальным же данным самого “Газпрома”, совокупная задолженность Молдавии на 20 января 1998 г. с учетом штрафов и пени составляла 536 млн. долл. США³.

Таким образом, преподносить историю Советского Союза однозначно — как историю национально-освободительного движения

народов против “российских угнетателей” — по меньшей мере неверно и несправедливо. Россияне сами были объектом жесточайшей эксплуатации со стороны единого “союзного Центра”. Сколь бы ни оспаривался этот факт, никто не может отрицать, что при окончательном “цивилизovanном разводе” при общих огромных материальных потерях Россия все-таки потеряла меньше, чем другие бывшие союзные республики, да и процесс ее экономического восстановления идет, пожалуй, быстрее, чем в других странах. Немалую роль в этом играет тот факт, что огромная энергосырьевая база бывшего Советского Союза после его развала перестала быть “совместным достоянием” и по принадлежности отошла к России.

Нельзя также забывать и о том, что из всех союзных республик лишь Россия после развала единого государства сохранила статус великой державы, закрепив его продолжением постоянного членства в Совете Безопасности ООН и приумножив присоединением к “восьмерке” — элитарному клубу ведущих мировых держав.

* * *

Сторонники интерпретации болевых точек на постсоветском пространстве в качестве стремления Москвы к сохранению своих “имперских позиций” немало делают для того, чтобы представить региональные конфликты в качестве своеобразных “удавок” Кремля на шее молодых независимых государств. На наш взгляд, эта интерпретация не встречает до сих пор должного и, главное, аргументированного отпора. Между тем от нее камня на камне не остается при первом же достаточно компетентном рассмотрении.

Во-первых, ничего, кроме материального ущерба и издержек политического и гуманитарного плана, Россия от существования болевых точек на территории СНГ не имеет. Только в Абхазии российские миротворцы, выполняющие свою миссию под флагом СНГ, потеряли к середине 1998 года около 80 человек. Конфликт в Нагорном Карабахе препятствует скорейшему началу разработки нефтяных месторождений Каспия, от чего Россия также рассчитывает иметь определенные финансовые поступления. Конфликт в Приднестровье создает проблемы в отношениях России с Молдавией, с государствами НАТО.

Во-вторых, турбулентность на границах России отрицательно сказывается в ее собственных пределах, порождает, например, нестабильность на Северном Кавказе, нарушает весьма сложный баланс межэтнических отношений повсеместно, от периферии до Москвы, ведет к усилению пропаганды этнической розни на всей территории страны. Не случайно в трагических событиях вокруг Белого дома в начале октября 1993 года принимали самое активное участие боевики из зон локальных конфликтов.

В-третьих, от неурегулированности локальных конфликтов на пространстве СНГ страдает международный престиж Российского государства, усиливается далеко не однозначное воздействие внерегиональных сил на ситуацию в постсоветском пространстве.

В-четвертых, Россия даже при желании не могла бы сейчас военным путем подавить сепаратистские режимы Степанакерта (Ханкенди), Сухуми, Тирасполя, Цхинвали и преподнести их как “подарки” Баку, Кишиневу и Тбилиси. Пример трагической чеченской войны показал это достаточно очевидно.

Кстати говоря, неспособность к урегулированию локальных конфликтов — в достаточной степени общее явление для современного мира. Несколько ранее американцы потерпели фиаско в Сомали, французы — в Руанде. Не привела пока к созданию единого государства акция в Боснии и Герцеговине, народы которых также далеки друг от друга, как и в начале кровопролитной войны между ними. Что касается Косова, то пока что драматические конвульсии вокруг этого очага межэтнической напряженности означают определенную необходимость выплаты на гражданскую миротворческую операцию около 200 млн. долл. Но это совсем не означает автоматического прекращения кровопролития.

При сопоставлении этих конфликтов с конфликтами на постсоветском пространстве сам собою напрашивается вывод, что на пороге XXI столетия мы столкнулись с конфликтами отнюдь не заурядного характера, которых уже немало было в истории человечества. Хотя каждый из этих конфликтов имеет, безусловно, свою историю, исчисляющуюся порой столетиями, все они отражают общие тенденции в развитии международного сообщества.

Как нам представляется, понять случившееся и тем самым найти пути к решению конфликтов можно, только исходя из понимания, что так называемые региональные конфликты на постсоветском пространстве являются одновременно не чем иным, как региональными проявлениями общего глобального кризиса цивилизации и, может быть, самого человека как формы движения материи.

Сам распад Советского Союза в определенной степени является следствием действия объективных дезинтеграционных тенденций в современном мире. Эта тенденция обозначилась задолго до 90-х годов. Еще в конце 50-х годов видный представитель школы политического реализма в американской историографии международных отношений Уолт Ростоу в своем исследовании “Соединенные Штаты на мировой арене” называл “диффузию власти” (количественное увеличение центров эффективной силы) основополагающей тенденцией развития международных отношений после второй мировой войны, действующей помимо субъективной воли политических деятелей⁴.

В свете этого требовать, чтобы действие дезинтеграционных процессов развивалось в каких-то четких географических и хронологических рамках, — это примерно то же, что требовать от разбиваемого стекла разбиваться на куски, соответствующие некоему умозрительному чертежу. Тем более что сам этот чертеж, то есть административные границы внутри бывшего Советского Союза, чертился в значительной степени произвольно под воздействием политических императивов, важнейшим среди которых было обеспечение лояльности того или иного национального образования будущему Союзу. Так по несколько раз переходил “из рук в руки” Нагорный Карабах, так провозглашалась как плата за ее вхождение в СССР сначала независимость Абхазии от Грузии, а затем ее статус автономии как плата Грузии тоже за вхождение в Союз. Полна таких же “загадок” история молдавской автономии в составе Украины до 1940 года и формирования Таджикской Союзной Республики в составе СССР.

Но вряд ли более убедительной представляется позиция тех, кто хотел бы собрать воедино “осколки” бывшего Советского Союза и попытаться склеить их по старым чертежам и примерно в тех же целях. Такая конструкция может быть хороша для музея, но не для практического использования. Правильным представляется только одно решение проблемы — расплавить осколки и отлить новую интеграционную конструкцию в соответствии с реальными потребностями населяющих ее людей.

Строго говоря, идеальной формой для такой отливки могло бы послужить пространство ОБСЕ. Мощное объединение 55 стран Северного полушария могло бы стать экономическим фундаментом, интеллектуальным и духовным лидером создания модели устойчивого антикризисного развития всего международного сообщества.

Но даже для начала процесса социально-экономической интеграции на пространстве от Ванкувера до Владивостока нужно было бы поломать имеющиеся разделительные линии. Практическое развитие идет, увы, по другому пути. Железный занавес, десятилетия разделявший евроатлантическое и азиатско-тихоокеанское пространства, в одночасье рухнул пока только с восточной стороны и тут же начал перемещаться с запада в глубь материка, обозначая новую силовую разделительную линию. Слишком уж велико тщеславное и, кстати, весьма близорукое желание наших партнеров на Западе рассматривать окончание холодной войны как победу над Россией. Их при этом не настораживает тот факт, что одновременно с Советским Союзом распалось, например, и созданное в 1918 году ими самими единое Чехословацкое государство, что никак не связано с “победами” ни над Советским Союзом, ни над мировым коммунизмом, — это просто следствие других объективных причин, о кото-

рых писал У. Ростоу. И кто знает, не пойдут ли дальше трещины на советской стене единого стеклянного дома международного сообщества? “В 150 странах мира насчитывается более двух с половиной тысяч национальных меньшинств, — предупредил с трибуны 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел России И.С. Иванов. — Если бы все они стали добиваться создания своих государственных образований, то нетрудно себе представить, к каким губительным последствиям это могло бы привести. Тем, кто “подкармливает” сепаратизм, не мешало бы помнить об этом”⁵.

Борьба центробежных и центростремительных тенденций мирового развития продолжается. Это имманентная суть политического процесса, проистекающая из научно-технического прогресса, несущего в себе сразу два начала — и центростремительное, и центробежное.

Железная дорога, например, как говорил еще В.И. Ленин, с каждой своей верстой рождает “слияние всех наций в высшем единстве”⁶. Но одновременно она в огромной степени увеличивает возможности каждого отдельного человека противостоять диктату монополий посредством географической миграции и социальной переориентации.

Точно так же в наше время информационные технологии безгранично увеличивают возможности империалистических держав в борьбе за мировое господство. Но они же дают в руки миллионов простых граждан реальные правозащитные средства в форме современных средств массовой информации. Они же многократно повышают производственные и творческие возможности одного отдельно взятого человека, позволяя ему конкретно оказывать воздействие на политику государств.

Справедливости ради следует заметить, что далеко не всегда стремление государств укрепить централизованное начало на территории действия своего суверенитета носит реакционный характер. И уж совсем не всякие действия отдельных лиц или их организаций, направленные на создание новых государственных образований, носят прогрессивный характер. На наших глазах идет формирование единого политико-экономического пространства европейских государств, которое, вопреки некоторым прогнозам начала XX века, носит прогрессивный характер. И в то же время мы имеем целый ряд сепаратистских устремлений и образований, препятствующих объективному ходу исторического развития.

Говоря так, мы отнюдь не претендуем на роль арбитра в оценке соответствия того или иного государственно-территориального образования критериям прогресса или регресса. Мы лишь вслед за Протагором высказываем точку зрения о том, что вердикт о жизнеспособности той или иной государственно-территориальной конст-

рукции выносят люди, в ней проживающие, ибо “мера всех вещей — человек”⁷.

При этом следует добавить, что средства воздействия человека на формирование политического климата с ускорением темпа научно-технического прогресса резко возросли. Если в начале века В.И. Ленин справедливо утверждал, что “политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы”⁸, то сейчас, когда социальные структуры столь сложны и взаимозависимы, а техносфера столь уязвима, не только тысячи, но подчас несколько десятков убежденных в своей правоте и исполненных решимости бороться за нее активистов могут оказать существенное воздействие на ход политического процесса, даже если они просто, как шахтеры Кузбасса, выйдут на рельсы той самой железной дороги, об интегрирующем значении которой писал тот же самый цитировавшийся нами выше автор.

Человек является мерилom целесообразности и жизнеспособности того или иного государственного образования в его тех или иных границах. И в этой области, как и в других измерениях человеческой деятельности, нет и не может быть окончательных, вечных решений.

Это, естественно, не означает права насильственного изменения границ. Совсем нет. Просто государственно-территориальные образования все более становятся подобными таким же потребительским ценностям, как продукты питания и одежда. Человек выбирает их в конечном счете в соответствии со своими потребностями, возможностями и вкусами.

Но всегда ли это хорошо? Всегда ли простое сложение отдельных эгоизмов дает в сумме то, что действительно нужно как каждому индивидууму, так и обществу в целом? Не приведет ли простое следование потребительским инстинктам в государственно-правовой практике к анархии, охлократии и в итоге к глобальному конфликту? Не прав ли был И. Кант, утверждавший, что война — “естественное состояние (status naturalis)”, а “состояние мира должно быть установлено”⁹?

Лишь те из государственных образований являются жизнеспособными, которые реально соответствуют интересам как людей, населяющих их непосредственно, так и большинства других государств—членов международного сообщества.

Именно так на месте бывшей царской России возник Советский Союз, с одной стороны, как образование, призванное обеспечить физическое выживание вошедших в него народов против геноцида во второй мировой войне, а с другой — как составная часть антифашистской системы Объединенных Наций.

Когда угроза этому существованию была устранена, а с годами выясилось, что цена за интеграцию ради интеграции слишком высо-

ка, то это интеграционное образование развалилось, как “колосс на глиняных ногах”. Причем стремление к независимости со стороны России оказалось едва ли не самым действенным фактором, способствовавшим распаду Союза.

Но, с другой стороны, сохранилась и стала еще больше проявляться необходимость в поддержании интеграционных связей на новой основе, освобожденной от политической субординации и идеологических приоритетов. И опять же в интересах человека, точнее говоря, в интересах десятков миллионов людей, для которых развал Советского Союза стал личной проблемой, а подчас и семейной трагедией.

* * *

Говоря о сепаратистских режимах, не следует забывать одну “маленькую деталь”. Их образование явилось логичным продолжением процесса борьбы за права человека и права национальных меньшинств. Борьбы, которая совместно с другими факторами, может быть даже более важными, привела к ликвидации СССР. Цель этой борьбы — обеспечение прав человека, основных гражданских свобод и прав нацменьшинств. Таким образом, если мы хотим вырвать почву из-под ног сепаратистских устремлений, которые также присутствовали при образовании самопровозглашенных режимов, то необходимо стремиться к такому порядку вещей, при котором были бы исключены всякого рода проявления неуважения гражданских свобод и прав человека, а также обеспечены в полном объеме и наиболее надежно права национальных меньшинств на всем постсоветском пространстве.

Иными словами, урегулирование недостижимо до тех пор, пока сторонами будут ставиться вопросы об обеспечении прав одной какой-либо нации или национальной общины. Урегулирование возможно лишь как результат глобального обеспечения выполнения прав человека и национальных меньшинств в данном регионе в полном объеме. Таким образом, всемерное обеспечение прав человека независимо от этнической, религиозной и какой-либо другой принадлежности должно стать исходным пунктом урегулирования локальных конфликтов.

Каковы реальные пути, ведущие к этому?

Как нам представляется, необходимо начать с решения конкретных вопросов жизнеобеспечения в зонах конфликтов. Это вопросы энерго- и газоснабжения, свободы коммуникаций, обеспечения личной безопасности в условиях разгула криминалитета всех национальных и этнических оттенков.

Вопросы статусов и окончательного оформления новых политических реалий скорее всего придется отложить до того времени,

когда для этого созреют необходимые предпосылки. В противном случае военное противостояние, с таким трудом приостановленное усилиями трезвомыслящих политиков, обратится в противостояние политико-экономическое — бескровное, но мучительное для сотен тысяч жертв противостояния военного — беженцев, вынужденных переселенцев, наконец просто жителей затронутых конфликтами районов, лишенных возможности пользоваться благами нормальной жизни в нормальных условиях.

В связи с этим представляется весьма своевременным предложение президента Грузии Э. Шеварднадзе о принятии международного акта (конвенции или протокола), на основании которого будет обеспечена защита прав и свобод изгнанных из родных мест людей. Эти люди, по мнению президента, на основе международного права должны получить такие же признание и статус, которые имеют беженцы в соответствии с конвенцией ООН от 1951 года. “Необходимо, чтобы оставленная на месте постоянного проживания собственность, включая и землю, была признана неприкосновенной. И это должна сделать ООН, приняв соответствующий документ”, — считает Э. Шеварднадзе. По его словам, “в международном акте следует зафиксировать, что в случае добровольного возвращения изгнанных в места постоянного жительства до полномасштабного урегулирования конфликта они становятся субъектами защиты со стороны международных организаций”¹⁰.

Реализация предложения Э. Шеварднадзе возможна, как представляется, в рамках всеобъемлющего решения региональных конфликтов, в основу которого был бы положен императив обеспечения нормальных условий жизни людей.

Основные компоненты такого решения, видимо, должны быть следующими:

- признание международным сообществом (ООН, ОБСЕ) территориальной целостности Азербайджана, Грузии, Молдавии в границах соответствующих союзных республик бывшего СССР на время до начала конфликтов (ориентировочно до 1988 г.);

- признание самопровозглашенных режимов на территории конфликтов в качестве фактических органов административной власти, приравненных по своим правам к другим органам местной администрации на территории соответствующих государств (Азербайджана, Армении, Грузии);

- ввод в зоны конфликтов международных сил по поддержанию мира и международных и полицейских сил, достаточных для обеспечения гражданского и общественного порядка;

- возвращение беженцев в зоны постоянного проживания под международным наблюдением и контролем;

— проведение в самопровозглашенных образованиях выборов в органы всех ступеней и ветвей власти с участием международных наблюдателей и под международным контролем;

— прекращение блокадных мероприятий и экономических санкций против самопровозглашенных режимов;

— деблокирование под международным контролем и наблюдением интернациональных транспортных путей и коммуникаций, проходящих через зоны конфликтов;

— приравнивание документов лиц, проживающих постоянно в зонах конфликтов, при их выезде за границу к документам соответствующих государств — Азербайджана, Грузии, Молдавии;

— осуществление программ демилитаризации сторон, принимающих участие в конфликтах;

— осуществление крупномасштабных программ международной экономической и гуманитарной помощи населению в зонах конфликтов;

— замораживание вопроса о статусе так называемых самопровозглашенных образований до формирования необходимых политических и других предпосылок.

Ясно, что в большинстве конфликтных точек на территории бывшего СССР обеспечение стабильного мира требует реального участия международного сообщества, в том числе и присутствия соответствующих контингентов по поддержанию мира.

Масштабы этой миротворческой деятельности только в стоимостном выражении уже при первом приближении заставляют задуматься. Так, развертывание миротворческого контингента в Нагорном Карабахе по одному из разрабатываемых в настоящее время вариантов обойдется международному сообществу в 286 млн. долл. в год. Эта сумма в 6 раз превышает весь бюджет ОБСЕ на 1996 год, включая расходы на выполнение задач в Боснии и Герцеговине¹¹.

Такие действия и такие затраты требуют создания гораздо более мощных, чем в настоящее время, структур, обеспечивающих целенаправленную координацию действий международного сообщества, предполагают прежде всего наличие необходимой для этого политической воли мировой просвещенной элиты, оформленной в соответствующие организационные рамки.

Ничего подобного в современном мире нет и в силу раздирающих его внутренних противоречий в самое ближайшее время не предвидится. Скорее наоборот. Число болевых точек на теле международного сообщества увеличивается численно, дезинтеграционные процессы нарастают, а попытки США и Европейского Союза установить свои “правила игры” в региональном урегулировании не встречают единодушного одобрения. Это происходит еще и потому, что они нацелены не только на умиротворение и предотвращение

кровапролития, но и на укрепление своих политических и военно-стратегических позиций в соответствующих регионах. Об этом, в частности, свидетельствует заявление специального советника государственного секретаря США по вопросам новых независимых государств Стефена Сестановича в комитете палаты представителей по международным делам Конгресса США от 30 апреля 1998 г., в котором в качестве цели политики США на постсоветском пространстве обозначено создание “экономически выгодного евразийского транспортного коридора между Востоком и Западом, который даст возможность доставлять каспийские энергетические ресурсы на мировые рынки”. Это Ст. Сестанович называл “частью широко-масштабной стратегии, включающей поддержку мира, стабильности и демократии, соблюдение прав человека, развитие рыночной экономики, открытость в отношении Соединенных Штатов и американо-атлантические и глобальные системы”¹². Как видим, понятия “*демократия*” и “*открытость в отношении США*” при таком подходе представлены как синонимы. Но всегда ли это так? И как долго еще нужно идти к формированию универсально признанного и эффективного механизма поддержания международной стабильности и правопорядка?

* * *

Достаточного времени на формирование политической воли к действительному объединению человечества история, однако, не дает. Дело ведь не только в рассматриваемых нами региональных конфликтах, а в том, что они являются одним из наиболее наглядных политических проявлений глобального кризиса цивилизации — кризиса между человеком и созданной им самим техносферой. Эта безудержно развиваемая уже в силу своей собственной внутренней логики техносфера дает и глобальное потепление климата, и озоновые дыры, и демографический взрыв, и многие другие вынутые из ящика Пандоры глобальные проблемы современности. Эти проблемы в конечном счете протекают из отставания мышления современного человека и организации международного сообщества, от безумных и ничем не ограничиваемых темпов научно-технического прогресса. Как сказал в свое время А. Эйнштейн, “расколоть ядро атома оказалось намного проще, чем поломать предрассудки в сознании людей”.

Перемышкой, которая объединяет так называемые локальные политические конфликты с другими проявлениями технологического кризиса цивилизации, служит развитие материальных средств ведения войны. Трудно представить себе более наглядный символ кризиса цивилизации, чем психологически неуравновешенный бое-

вик, как правило наркоман, на вооружении которого и бесшумная винтовка с лазерным прицелом, и мина с блоком дистанционного радиоуправления, и сильнодействующий психотропный наркотик, и еще много чего из арсенала современных террористов. Сравнительно небольшая хорошо организованная группа таких лиц вполне может представить угрозу для международной безопасности. Заметим, что в отсутствие защиты со стороны международного сообщества жертвы этих групп тоже организуются в подобные же формирования, что, в свою очередь, отнюдь не способствует международной стабильности.

Все это происходит на фоне трех взаимосвязанных социально-политических доминант, определяющих картину современного мира и являющихся главными факторами—носителями будущего. Это, во-первых, продолжающийся рост разрыва в доходах между населением немногочисленных так называемых передовых стран, входящих в мировую элиту, и составляющим подавляющее большинство человечества населением стран бывшего “третьего мира”. Во-вторых, демографический взрыв и меняющаяся на наших глазах расовая структура населения человечества. В-третьих, продолжающееся, несмотря на все усилия мировой элиты, распространение передовых военных технологий, в том числе производства оружия массового уничтожения. Как заявил недавно Терри Хокинс, специалист Национальной лаборатории США в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико), террористическая группа, захватившая ядерные материалы и владеющая технологией производства соответствующих устройств, могла бы стать самым значительным вызовом западной цивилизации, когда-либо имевшим место¹³.

* * *

Конечно, центробежным силам мирового развития противостоят не менее мощные центростремительные силы, воплощающие разум и совесть современного мира. Они в последнее время достаточно ярко выразили себя в международных документах. Понимание нестандартности складывающейся ситуации четко обозначилось, например, в совместном заявлении российского и американского президентов о вызовах всеобщей безопасности от 2 сентября 1998 г., в котором, в частности, говорится, что “общие вызовы безопасности на пороге XXI века могут быть отражены только посредством последовательной мобилизации усилий всего международного сообщества. Для этого должны быть использованы все имеющиеся ресурсы. В случае необходимости мировое сообщество должно своевременно принимать эффективные меры по противодействию таким угрозам”¹⁴.

Это понимание, однако, пока еще далеко не адекватно масштабу вызовов, с которыми столкнулось человечество на рубеже веков. Но, что еще более опасно, даже эти робкие призывы к человечеству со стороны его просвещенных лидеров обратить внимание на стоящие перед цивилизацией глобальные угрозы наталкиваются не просто на глухую стену непонимания, а на злобствующее раздражение обывательского большинства, убежденного в том, что “ничего особенного” не происходит, а XXI век будет таким же, как XX или X.

Таким людям невольно хочется напомнить гипотезу одного из создателей ядерной и нейтронной физики Энрико Ферми, который из не опровергнутой до сих пор в научном плане презумпции отсутствия каких-либо доказуемых контактов человечества с внеземными цивилизациями сделал еще в 1950 году вывод фундаментальной научной значимости: либо земная цивилизация — единственная во Вселенной, либо всякая цивилизация, достаточно развитая, чтобы вступить в коммуникацию с другой планетой, обречена на самоуничтожение¹⁵.

Гипотеза Э. Ферми впоследствии получила развитие в работах американского астрофизика немецкого происхождения Себастьяна фон Хорнера. В отечественной науке ею серьезно и плодотворно занимался выдающийся отечественный астрофизик И.С. Шкловский, которому “сама по себе идея, что время существования технически развитой цивилизации ограничено”, представлялась “вполне разумной”¹⁶. И.С. Шкловский добавлял при этом, что земляне, видимо, не так уж далеки от этого технологического “дня X”, так как по некоторым “показателям” они вплотную приблизились к физическим пределам некоторых параметров своей жизнедеятельности¹⁷. Они, например, могут общаться друг с другом и анализировать данные научных исследований с максимально возможной быстротой — со скоростью света, использовать источники энергии, достаточные для того, чтобы изменить климат Земли, а уж если они начнут воевать друг с другом “по-крупному”, то, вне всякого сомнения, уничтожат на ней все живое. Уже сокращенного ракетно-ядерного потенциала одной России достаточно, чтобы гарантированно сделать это 40 раз подряд.

Впрочем, нетрудно видеть, что астрофизический катастрофизм, выраженный в гипотезе Э. Ферми и в работах И.С. Шкловского, С. фон Хорнера, В.В. Легасова, Г. Наана, А. Раппопорта и других ученых с мировым именем, является современным преодолением технологического пессимизма, который всегда был свойствен мыслителям различных стран и народов. Им проникнуто такое произведение мировой литературы, как “Фауст” И.В. Гёте, а известный персонаж романа английской писательницы М. Шелли Франкенштейн стал символом бездумного творения человеческого гения, погубившего своего творца.

Развивая гипотезу Э. Ферми, можно сделать вывод, что чем скорее человечество вступит в контакт с внеземными цивилизациями, тем скорее оно преодолеет некий “технологический” барьер, достигнув который “самоуничтожились” гипотетические внеземные цивилизации. Поскольку современные технологии, необходимые для производства средств контактов с другими цивилизациями и материальных средств ведения войны, во многом совпадают (ракеты-носители, электронные средства связи, телекоммуникации, сверхмощные радиостанции, супер-ЭВМ, композитные материалы), желание сохранить цивилизацию в большой степени конкретизируется в усилиях по предотвращению милитаризации космического пространства и распространения оружия массового уничтожения.

Позитивные изменения в российско-американских отношениях в последние годы, связанное с ними снижение риска возникновения глобального термоядерного конфликта не должны порождать, однако, ложной иллюзии снятия угрозы самоуничтожения человечества. Технологический кризис, как характеризовал складывающуюся в отношениях человека с техносферой ситуацию академик В.В. Легазов, продолжается. Человечество все более становится заложником создаваемых им самим все более совершенных компьютерных и иных систем.

И если риск глобального военного столкновения между ядерными державами сейчас практически сведен к нулю, то риск, проистекающий из роста международного терроризма и неконтролируемого распространения передовых военных технологий, на наших глазах приобретает все более и более осязаемые очертания.

Одно из этих очертаний — локальные конфликты на этнической почве, которые являются как бы бикфордовым шнуром к подрыву всей системы международной безопасности и стабильности.

* * *

Для того чтобы мнение просвещенной элиты, выраженное в приведенном выше совместном заявлении лидеров России и США, обрело реальную силу, необходимо, чтобы это мнение стало исходным пунктом идеологии политического движения. Тогда, по словам классика, оно приобретет силу, перед которой будут бессильны все армии мира.

Такой идеологии у просвещенной мировой элиты в настоящее время нет. Длительное время ее роль выполняла христианская мораль. Именно ее в свое время настойчиво продвигал президент США Р. Рейган, когда, критикуя советских руководителей, говорил: “Они не разделяют наших взглядов на нравственность, поскольку не верят в то, во что верим мы, — они не верят в загробную жизнь, не верят в Бога, и у них нет религии, поэтому для них нравственно только то,

что содействует успеху дела социализма; исходя из этого, они считают себя вправе делать все, что будет способствовать успеху этого дела, а в этом, как они считают, нет ничего аморального”.

Эти несколько наивные утверждения подвергались осмеянию тогдашними кремлевскими идеологами, но, как говорится, по-настоящему смеется только тот, кто смеется последним. Идеология христианской морали, как идеология правящей элиты и ее основной социальной опоры — мощного среднего класса, сыграла важную роль в победе Запада в холодной войне.

Сейчас, однако, христианская мораль сама переживает кризис, так как программная роль основополагающих христианских догм выработана на сто процентов. Просвещенный человек в конце второго тысячелетия от Рождества Христова уже не верит, а точно *знает*, что его может ожидать достаточно близкий конец цивилизации, но не из-за злонамеренных козней антихриста, а в результате его собственных ошибочных операций с современными технологиями. Чтобы знать это, можно не читать Библию, а вспомнить Чернобыль или ознакомиться с анализом совокупного воздействия глобальных проблем на цивилизацию, из которого американские глобалисты делают вывод о том, что “где-то” к 2030 году¹⁸ человечество дорастет до катастрофического предела технологической развитости.

Это не значит, конечно, что человек избавился от Бога. Нет. Потребность в вере остается одним из наиболее действенных параметров человеческой души, мировоззрения человека. Вопрос заключается лишь в том, во что верить.

* * *

Среди немногих “эффективных” верований современного мира возьмем ислам. Религиозные мусульманские экстремисты проповедуют веру в счастье в загробной жизни. Реально оценивая окружающую ее действительность, их паства убеждена, что в земной жизни не только счастья, но даже элементарного материального достатка быть не может. Всякий, кто не разделяет этого мнения, даже если он мусульманин, является их врагом. В этой лабораторной ясности как в капле воды отразилась идеологическая картина современного мира.

Можно считать, что идеология моджахедов примитивна. Но нельзя отрицать того, что она *эффективна*. Эффективна, потому что она включает в себя элемент *веры*. Той самой веры, о которой тоже примитивно говорил президент Р. Рейган.

Но современный человек в просвещенных странах уже не верит в канонического Бога, которого имел в виду Рейган. Не верит в бессмертие и воскрешение. С гораздо большей степенью уверенности он может утверждать только одно: цивилизация может погибнуть и

возможно, что это произойдет очень скоро. В этих условиях единственно рациональной является идеология гедонизма, основанная на желании взять от жизни как можно больше в наименее короткие сроки.

При столкновении этих двух идеологий (просвещенного гедонизма и примитивного фидеизма) в реальной жизни победа, естественно, остается на стороне идеологии религиозного фундаментализма, так как исповедующие ее солдаты безоговорочно принимают смерть в бою.

Самая большая угроза заключается, однако, в том, что в ходе реального политического процесса государства и социальные группы, исповедующие фундаментализм и религиозный экстремизм, приобщаются к высоким, в том числе и военно-прикладным, технологиям, которые им сплошь и рядом продают высокоразвитые страны, население которых, зараженное идеологией гедонизма, готово в угоду удовлетворения своих потребительских инстинктов пойти на продажу самых передовых военно-технических технологий в зоны преобладания агрессивного примитивного менталитета.

Неизбежное столкновение между этими двумя идеологиями само по себе чревато глобальной катастрофой, конкретным проявлением достижения нашей цивилизацией этапа технологической зрелости.

При таком подходе к глобальным проблемам современного мира важнейшей предпосылкой выживания становится новая (ее еще нет) универсальная идеология наиболее просвещенной части современного человечества, на основе которой может быть выработана политическая воля, способная обеспечить централизованное начало в управлении цивилизацией в интересах ее самосохранения. Какой же должна быть такая идеология?

Это должно быть нечто такое, что необходимо сочетает в себе эмоциональную силу воздействия, равную силе воздействия новой веры на первохристиан, и рациональность точно обоснованных научных выводов на уровне информационной технологической революции нашего времени.

Центральное место в такой идеологии должно занимать представление о глобальном кризисе цивилизации. При таком понимании естественным является толкование каждого частного кризиса в любой сфере человеческой деятельности как проявления общего глобального кризиса. Это в полной мере относится и к локальным конфликтам, возникающим в наше время на этнической, конфессиональной или социальной почве.

Эта новая идеология помимо веры в канонического Бога, которую люди вправе разделять или не разделять на основе свободы совести, должна обязательно включать достоверные представления о научно-технических соответствиях (аналогах) традиционных рели-

гиозных догматов — бессмертия, воскрешения, загробной жизни, рая, ада, чистилища.

Эта идея получила, в частности, развитие в мировоззренческом направлении, известном научной общественности под названием “русский космизм”, — системе взглядов на природу, общество, смысл бытия и предназначение человека, разработанной выдающимися отечественными учеными-мыслителями — основоположником теоретической космонавтики К.Э. Циолковским, основоположником геохимии В.И. Вернадским, основоположником гелиобиологии А.Л. Чижевским и мыслителем-энциклопедистом, сотрудником российского Министерства иностранных дел Н.Ф. Федоровым.

В одной из бесед с А.Л. Чижевским в 1932 году К.Э. Циолковский дал определение религиозной символике как “смутной догадке о будущем человечества”. “Мы должны признать за ней право на существование, — сказал он, — ибо нельзя многие миллионы людей признать полуумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами (“душа”, “потусторонний мир”, “рай”, “ад”. — *В.П.*) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения”¹⁹.

Научно-техническая революция последней четверти XX столетия, известная как информационно-технологическая, вплотную приблизила человечество к “космической расшифровке” традиционных религиозных догматов. С ее позиций эквивалентом *бессмертия* выступает искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей; *воскрешения* — бионическое моделирование данной конкретной личности; *души* — информация об этой личности, служащая как бы исходной базой для такого моделирования; *рая* — совместное проживание всех воскрешенных в бесконечных пространствах космоса.

Обладание знанием о своих реальных возможностях в познании современного мира в сочетании с верой в традиционные религиозные символы позволило бы создать идеологические основы для прекращения смуты, всякого рода региональных конфликтов, для решения глобальных экономических проблем, формирования нового универсального миропорядка и в конечном счете выживания человечества.

* * *

Таким образом, нам остается суммировать изложенное и повторить основополагающий вывод из проделанного исследования.

Абсолютная гармония межнациональных отношений при соблюдении прав и свобод всех и каждого — идеал, к которому мы стремимся, приближаясь к нему в той или иной степени, но никогда не достигая его в полной мере. Таким образом, всегда будет иметь место

некое “поле риска” возобновления конфликта по тому или иному поводу.

В бывшем Советском Союзе это “поле риска” регулировалось, как правило, за счет Российской Федерации. Сама граница толерантности определялась не только политическими или экономическими критериями, но и наличием мощной, достаточно развитой идеологии, которая обосновывала жертвы одних во имя общей цели. Идеология выполняла роль цементного раствора при возведении стены, универсального компенсатора недостатков политико-экономической системы.

Сейчас трудно представить себе общую идеологию, которая могла бы подтолкнуть участников конфликта в Нагорном Карабахе к взаимным уступкам. Идеологические позиции сторон в этом конфликте определяются одним — узкими национально-государственными интересами, но, увы, взаимоисключающими друг друга. Но нет и, наверное, не может в настоящее время существовать идеология, которая вдохновила бы солдат какой-либо третьей страны воевать за торжество правопорядка в зонах локальных конфликтов на постсоветском пространстве.

Старая идеология социалистического интернационализма в принципе была хороша как смазка для регулирования трений межнационального общения до тех пор, пока сам Советский Союз из социалистического не превратился в военно-бюрократическое империалистическое государство, потерпевшее закономерное поражение в холодной войне.

Нынешнее состояние России, СНГ и всего мира в целом намного хуже, чем господство той или иной идеологии. В нашей стране в начале 90-х годов официально был провозглашен и возведен в ранг официальной догмы, правда на короткое время, принцип, что политика, в том числе и внешняя, должна быть “деидеологизированной”.

Этот ницшеанский по своей сути тезис весьма точно отразил военно-политические реалии на поле межнациональных конфликтов, в которых граждане бывшего единого государства воевали друг против друга с ожесточением большим, чем в сражениях с совместным врагом во время второй мировой войны.

Вместе с тем внешняя политика как средство урегулирования межнациональных конфликтов должна быть идеологизированной, должна покоиться на примате потребностей человека, верховенства права, пресечения и наказания военных преступлений, гуманизма, авторитета государства как средства реализации интересов человека и защиты его прав. А ведь это и есть важнейшие компоненты идеологии, если, конечно, ее не трактовать как внешнеполитическую пропаганду.

В настоящее время какой-либо универсальной идеологии нет. На ее место реально может претендовать, на наш взгляд, приведенное в соответствие с современностью учение российского космизма. Впрочем, не только российского. Независимо от наших отечественных ученых те же самые идеи высказывали Джавахарлал Неру и П. Тейяр де Шарден, другие ученые и мыслители. Существует, наконец, целая современная религиозная конфессия (бахаизм), одним из основополагающих принципов которой является синтез научного знания и религиозной веры.

Необходимы ли человечеству новые социально-экономические потрясения для того, чтобы новая идеология единства мира наконец восторжествовала? Дурак, как говорится, учиться на своих ошибках, умный — извлекает уроки из ошибок других. Люди учатся у людей, семьи — у семей, народы — у народов, государства — у государств. Но человечеству в целом учиться не у кого. Мы одни во Вселенной. Наши возможные братья по разуму в далеких мирах гибнут скорее всего в таких же обстоятельствах, с которыми столкнулись мы на этапе технологической зрелости. Так, может быть, воспользоваться их печальным опытом и не повторять его? Пока не поздно.

¹ Шагинян М. Нагорный Карабах. — М. — Л., 1927. — С. 4—5.

² Там же. — С. 4.

³ Лучинский и Смирнов во вторник будут обсуждать экономические проблемы. Интерфакс, 16 февраля 1998 г.

⁴ Rostow W. United States in the World Arenas. — N.Y., 1997. — P. 414.

⁵ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 1998 г. Документ ИТАР-ТАСС НОМ=ЗВ488, ДАТ=23.09.1998, БА3=СССР, КЛЮ=ООН-РОССИЯ, НАП=РСКТ, ИДЕ=001003341 ООН-РОССИЯ-АС-САМБЛЕЯ-ИВАНОВ.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 13.

⁷ Протагор из Абдеры. Истина//Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 543.

⁸ Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта//Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 16.

⁹ Кант И. Соч. (в шести томах). — Т. 6. — М., 1965. — С. 266.

¹⁰ Сообщение корреспондента ИТАР-ТАСС Т. Пачкория из Тбилиси от 13.09.1998 г.

¹¹ Справочник ОБСЕ. Второе издание. — Вена, 1996. — Приложение XI.

¹² Политика Соединенных Штатов на Кавказе и в странах Средней Азии. Выступление специального советника государственного секретаря США по вопросам новых независимых государств Стефена Сестановича в комитете палаты представителей по международным делам//Содружество Независимых Государств. — 1998. — № 5.

¹³ Nuclear weapons and terrorists: a deadly combination, CNN News Line, January 16, 1997. <http://conn.com/TECH/9701/16th/nuclear/index.html>.

¹⁴ The OSCE Documents, SEC. DEL/20198, 3 September 1998, "Joint Statement on Common Security Challenges at the Threshold of the Twenty First Century", p. 7.

¹⁵ Даллакруза Дж. В поисках внеземных цивилизаций//Америка. — 1989. — № 396. — С. 40.

¹⁶ Шкловский И.С. Вселенная: жизнь, разум. — М., 1976. — С. 257.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 257.

¹⁹ Чижевский А.Л. Теория космических эр//Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. — Тула, 1986. — С. 419—427.

г. Вена (Австрия)

Статья поступила в редакцию в марте 1998 года.